

ОНИ волновали мой нежный ум и раньше. Я и раньше, спотыкаясь о них во время разных своих пробежек по зарослям и буеракам новостных лент, радовался, изумлялся, восхищенно вскрикивал, радостно срывал их, как разноцветные полевые цветочки с солнечной лужайки, бережно клал в карман, чтобы в один из ближайших вечеров поделиться их экзотической прелестью со взыскательными и тонко чувствующими скрытую красоту друзьями и близкими.

И только в последнее время я стал задумываться об особенностях их поэтики, прагматики и, если угодно, метафизики.

Речь, как уже, наверное, понятно, идет о новостных заголовках.

С некоторых пор я стал увлеченно собирать коллекцию этих маленьких шедевров.

Попадают и в самом деле шедевры.

Помните зацитированное до полустертости четверостишие Бориса Пастернака про “когда строку диктует чувство...” и так далее? То самое четверостишие, которое однажды какой-то весельчак не слишком почтительно переделал, таким, кстати, образом существенно его освежив:

“Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет меня.
И тут кончается искусство,
И начинается...”

Ну, в общем, всякая начинается ерунда.

А в этих невероятных, всегда непредсказуемых образцах высокого косноязычия и вдохновенного идиотизма, — скажу без преувеличения, — кончаются и почва, и судьба, а начинается как раз оно самое, искусство. Даром что его вдохновенные и при этом анонимные творцы пребывают на этот счет в блаженном неведении.

Многие из этих заголовков чудесны сами по себе без всякого вульгарного контекста.

Не задумываться хотя бы изредка над особенностями этой уникальной поэтики невозможно.

Самым там примечательным и, можно сказать, захватывающим является не само содержание. Оно, конечно, бывает забавным и неожиданным, но куда интереснее причудливейший синтаксис многих из них и изощреннейший, совершенно непредсказуемый порядок слов в предложениях. Про выбор слов я уж не говорю.

И все время думаешь о том, что же это напоминает. А без этого никак. Ведь любой новый жанр так или иначе имеет своих предков, имеет свои прототипы, которым он либо покорно следует, либо творчески и дерзновенно их отвергает.

На что это похоже?

Иногда предельный герметизм таких фраз, как “Российский теннисист обматерил маму во время матча”, или “Способного кусать людей окуня обнару-

жили в Балтийском море”, или “Стюардесса назвала способ обезопасить себя в отеле с помощью мочалки”, отсылает к текстам шпионских шифровок.

Иногда это очень напоминает автоматические переводы на русский с каких-нибудь не очень близких языков вроде китайского. Ну, например: “Дачникам рассказали о неожиданном способе избавиться от одуванчиков” или “Путин и Лукашенко пошутили о зарплате на совместной встрече”.

Понятно, что прагматика этих волшебных конструкций устремлена на то, чтобы стимулировать читательское любопытство, чтобы прочитавший о том, что “Прогулка борова в шлейке по улице Подмосковья развеселила россиян”, немедленно углубился в столь задорно озаглавленный текст с целью узнать подробности такого искрометного события. Не знаю, кто как, но мне как раз не хочется узнавать подробности, которые, я уверен, окажутся существенно более скучными и бескрылыми, чем лексика, синтаксис, интонация этого маленького поэтического шедевра.

К таким словесным конструкциям, как, например, “Врач предупредил об опасности искривления полового члена”, можно отнестись двояко. Для кого-то заведомая и, судя по всему, осознанная темнота смысла служит серьезной мотивацией для того, чтобы раскрыть и прочитать целиком весь текст столь причудливо анонсированной новости. Для кого-то — как для меня, например, — ровно наоборот. Для меня расшифровка самодостаточного сакрального по сути художественного образа непременно обернется его досадной вульгаризацией и профанацией.

Вот так, помню, в детстве мне ужасно нравилось своей таинственной мрачноватой эlegantностью непонятное до поры до времени слово “блуминг”. Но вскоре, увы, я узнал его скучное промышленно-техническое значение, и роскошное это слово поблекло, размылось и, практически не прощаясь, по-английски удалилось из моей оперативной памяти.

Так в жизни всегда и бывает. Как только развеивается тайна, как только сквозь розоватый утренний туман наше зрение начинает различать очертания деревенского сортира или неопрятную грудку битых кирпичей, мы начинаем невольно разочаровываться в универсальной силе искусства. Как только нам становится до конца известным, что конкретно стоит за очаровательным заголовком “В России потребовали составить список запрещенных слов”, мы впадаем в состояние, близкое к экзистенциальному отчаянию.

Бывает так, что идти дальше заголовка не следует. А именно так и бывает в подавляющем большинстве случаев. Заголовки книг или максимум тексты их оглавлений почти всегда самодостаточны.

И какая досада, что благодаря проклятому и коварному нашему любопытству мы, как правило, понимаем это слишком поздно. Но поздно — это, как давно и хорошо известно, все равно лучше, чем никогда.

С некоторых пор я стал увлеченно рыться в информационных свалках и выуживать оттуда различные шедевры, которыми я регулярно делюсь в социальных сетях.

Не один и не два комментатора пишут мне, что “это же типичные ваши карточки, Лев!”. Да я и сам это

понимаю, иначе я не обратил бы на эти “плевочки-жемчужины” своего алчного внимания.

Другие же пишут: “Так, прямо на глазах постепенно рождается новая книга!” И это тоже приходило мне в голову почти с самого начала.

Пока одной рукой я нахожу, фиксирую и коплю впрок драгоценные образцы этого жанра, другой — размышляю о композиции.

Впрочем, очень скоро я понимаю, что композиция уже есть, и она заключена в ее блистательном отсутствии. Какая композиция у строки, ревно бегущей в ночи по крыше телеграфного агентства? Никакой. То есть почти никакой, потому что композиция в данном случае рождается сама собой, потому что наше воображение и наш многолетний читательский опыт автоматически превращают бесформенный поток в художественное русло, одевают его в гранитные берега и нарядные набережные, по которым в обнимку гуляют влюбленные парочки, тетки с колясками или пенсионеры с собаками и с которых свешиваются вниз, к воде, невидимые лески рыболовных удочек.

Сам собой рождается ритм. Сам собой устанавливается порядок. Свободный поток свободных высказываний точно так же неизменно обнаруживает волю и способность к самоорганизации.

Одним из моих “фирменных” приемов является то, что можно назвать “квазицитатой”. А здесь, где основу текста составляет так называемый *ready-made*, это скорее наоборот — квазиавторская речь.

Недаром очень многие комментаторы писали: “Это же вы сами сочинили, признайтесь!”

Не признаюсь! Не сам! Кое-что, конечно, сам, например вот этот текст. Но основной корпус не содержит ни одной моей фразы, ни одного моего слова, ни одной буквы, ни одного знака препинания, тем более что, как нетрудно заметить, этих знаков там практически и нет.

Авторство в наше время — это не только и не столько авторство в буквальном, то есть в старом, смысле этого слова, то есть вдохновенное царапанье пером по бумаге или не менее вдохновенное нажатие на клавиши. Авторство — это искусство обнаружить, разглядеть на свалке и расслышать в базарном гвалте все то, что вдруг окажется или хотя бы покажется тебе сердечно или умственно близким. Умственно — это, конечно, хорошо и необходимо. А сердечно — это надежнее, крепче и глубже. А если к тому же и то и другое — то можно уже говорить о настоящей удаче, о несомненном прикосновении к счастью, что бы это ни значило.

Разгневанная пассажирка
помочилась в салоне
самолета и попала на видео

Рой пчел атаковал кафе
в Москве и попал на видео

Крыса из метро поделилась
пончиком с подругой
и попала на видео

Олень ворвался в ресторан
через окно и попал на видео
